

УДК 821.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-286-292

ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ РОМАНА-НОВЕЛЛЫ МАРСЕЛЯ ГАЛИЕВА «ТИМЭ, ЯШӘСЕН!» («НЕ ТРОГАЙ, ПУСТЬ ЖИВЕТ!»)

© Милеуша Хабутдинова, Альфия Мотигуллина

GENRE ORIGINALITY OF THE NOVEL-NOVELLA “TIMA, YASHASEN!” (“LEAVE HIM ALONE, LET HIM LIVE!”) BY MARCEL GALIEV

Mileusha Khabutdinova, Alfiya Motigullina

The article studies the genre originality specifics of the work by Marcel Bayanovich Galiev, a People's Writer of the Republic of Tatarstan. We systematize the material according to the extent his work has been studied. The analysis is based on Marcel Galiev's unfinished work “Tima, yashasen” (“Leave Him Alone, Let Him Live”). The book was conceived as a work in two parts, but for personal reasons, the author limited himself to creating the first part. Marcel Galiev defined the genre of his book as a novel-novella. The article proves that novel-oriented thinking is inherent in the writer. In terms of content, this is an autobiographical work, in which the general is intertwined with the personal, the concrete with the individual and the universal with the national. Marcel Galiev uses a multi-level structure where biographical, family-everyday, socio-historical and natural-cyclical forms of artistic time are harmoniously intertwined. As the plot develops, the novel turns into a mirror of the era, showing family life and social life, the patriarchal life of the Tatar village and the capital life of Kazan and Moscow. The reader forms an idea of the material values and spiritual culture of Soviet citizens. The writer's creative manner is characterized by deep psychologism, analyticity and lyricism. Genre displacement occurs through marginalia and individual inserts in other genre forms. This frame novella incorporates an autobiographical novel.

Keywords: Tatar literature, prose, Marcel Galiev, genre, novel-novella

Статья посвящена исследованию специфики жанрового своеобразия произведения народного писателя Республики Татарстан Марселя Баяновича Галиева. В работе систематизирован материал по степени изученности его творчества. Материалом для анализа послужило незавершенное произведение писателя «Тимэ, яшәсен» («Не трогай, пусть живет»). Книга была задумана как произведение в двух частях, однако по личным мотивам автор ограничился созданием первой части. Жанр своей книги Марсель Галиев определил как роман-новелла. В статье доказано, что писателю присуще романное мышление. По содержанию это автобиографическое произведение, в котором общий план переплетается с личным, конкретное с индивидуальным, общечеловеческое с национальным. Марсель Галиев прибегает к многоуровневой структуре, где гармонично переплетаются биографическая, семейно-бытовая, социально-историческая, естественно-циклическая формы художественного времени. По мере развития сюжета роман превращается в зеркало эпохи, где показаны семейный быт и общественная жизнь, патриархальная жизнь татарской деревни и столичная жизнь Казани и Москвы. Читатель формирует представление о материальных ценностях и духовной культуре советских граждан. Творческой манере писателя свойственен глубокий психологизм, аналитичность и лиризм. Жанровое смещение происходит посредством маргиналий, отдельных вставок в иных жанровых формах. Кольцевая новелла вбирает в себя автобиографический роман.

Ключевые слова: татарская литература, проза, Марсель Галиев, жанр, роман-новелла

Для цитирования: Хабутдинова М., Мотигуллина А. Жанровое своеобразие романа-новеллы Марселя Галиева «Тимэ, яшәсен!» («Не трогай, пусть живет!») // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 3 (77). С. 286–292. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-286-292

Марсель Баянович Галиев – народный писатель РТ, успешно работающий как в прозе, так и в поэзии. Фотовыставки «Я так вижу», «Дыхание

Алтая» и другие раскрыли еще одну грань таланта заслуженного деятеля искусств Республики Татарстан – мастерство художественной фото-

графии. В орбите внимания татарских литературоведов оказались проза писателя Марселя Галиева (Р. Сверигин [1], Д. Загидуллина [2], [3], Л. Юзмухаметова [4], [5]), мемуаристика (Т. Галиуллин [6, с. 192–215]), публицистика (А. Хабибуллина [7], [8]), поэзия (К. Миннуллин [9], М. Хабутдинова и Э. Усманова [10], М. Хабутдинова и Л. Замалиева [11]), а также стилистика его произведений [12].

В 2016 г. увидела свет новая книга писателя – роман-новелла «Тимә, яшәсен» («Не трогай, пусть живет») [13]. Произведение было задумано в двух книгах. Соответственно, сегодня литературоведы вынуждены иметь дело с незавершенным произведением.

Предметом нашего исследования стала специфика жанровой формы «Тимә, яшәсен» («Не трогай, пусть живет»). Сам автор определяет ее как роман-новелла, а литературовед Л. Юзмухаметов считает, что это один вариантов национального эссе [5]. Литературовед С. Ш. Шарифова отмечает, что отечественные писатели в последние годы при определении формы своего произведения все чаще прибегают к неведомым терминологическим конструкциям: роман-клип, роман-эссе, роман-странствие, конспект ненаписанного романа, двойной роман и др. Исследователь считает правомерным выделять такие типы романа, как роман-новелла, роман-повесть, роман-рассказ и роман-притча (см. подр.: [14]).

Достоинством читателей на сегодняшний день стала лишь первая часть романа «Тимә, яшәсен!» («Не трогай, пусть живет!»), где воссоздана эпоха 1950–60-х гг. Основу сюжета составили не вымышленные события, а лично пережитое автором. Повествование в романе-новелле развивается с точки зрения Марселя Галиева, осмыслившего судьбоносные события своей личной жизни, страны и человечества в целом сквозь призму памяти и времени и зафиксировавшего это осмысление в художественно-автобиографическом дискурсе. Ретроспективный план изображения наделяется смыслопорождающей функцией. Это дает нам основание отнести «Тимә, яшәсен!» («Не трогай, пусть живет!») к жанру автобиографического романа.

Марселю Галиеву присуще романное мышление, так как он в своем творчестве оперирует такими субстанциональными категориями, как жизнь и смерть, вечность и мгновение, память и забвение. Осмысляя процесс становления и развития собственной личности, татарский писатель воссоздает широкий историко-культурный контекст эпохи. Цель автора – познакомить читателей с внутренним миром своего автобиографического героя. Налицо традиционные романские

формы художественной изобразительности через сюжет и человеческий характер. В описании истории собственной жизни у Марселя Галиева драматическое, лирическое и прозаическое тесно переплетаются между собой, что приводит к внутрилитературному синтезу.

Герой описывает отчий дом, родную деревню, своих односельчан, свой первый трудовой опыт, службу в армии. Детство и юность оцениваются Марселем Галиевым сквозь призму прожитых лет, поэтому часто поток воспоминаний прерывается философскими сентенциями. Автобиографический герой сравнивает себя со сказочным персонажем, распутывающим волшебный клубок своих воспоминаний и совершающим путешествие в прошлое [13, с. 13]. При отборе биографического материала Марсель Галиев старается остановиться на самом важном, то есть воспроизвести душевные порывы не только личности, но и будущего художника. Писатель сравнивает свои детские воспоминания с каплями молока – «белой кровью», пульсирующей в его памяти [Там же, с. 10]: из бытовой детали в дальнейшем вырастет в объемный образ родовой принадлежности человека (ср. с установлением личного родства тюрок и монголов посредством клятвы).

Хронотоп романа татарского писателя вбирает в себя нравственные представления, духовные поиски, мироощущение героя и автора. Марсель Галиев прибегает к многоуровневой структуре, где гармонично переплетаются биографическая, семейно-бытовая, социально-историческая, естественно-циклическая формы художественного времени. В силу многогранности творческого дарования Марселя Галиева (ведь он не только писатель, но и талантливый художник-график [10]) философско-аналитическое в его автобиографическом романе переплетается с живописно-пластическим. Доминирующим среди хронотопов (исторический хронотоп, хронотоп художественного сознания, хронотоп рода, хронотоп дороги, национальный хронотоп) становится экзистенциальный хронотоп.

Память автобиографического героя содержит в себе не только личный, но и духовный опыт человечества. Так, осмысляя феномен «ядерной зимы» в 1989 г. в Татарстане, Марсель Галиев лишь спустя десятилетия разглядел в картинах природы из прошлого приметы боли и обиды природы на человека за произошедшее: пожухшие от мороза соцветия ландышей, не радующие человеческий взор, и листья шавеля, лишённые былого вкуса... [13, с. 10].

Марсель Галиев стремится воплотить в своем произведении эволюцию своего внутреннего и

внешнего «я», воспроизводимого с помощью категории памяти. Роман пронизывает чувство ностальгии по прошлому. Автор делится с читателем яркими моментами детства и юности, стремясь осознать этапы своего взросления, становления личности. Марсель Галиев стремится через хронотоп памяти осознать смысл своего существования, судьбу своего поколения, татарского народа и человечества, фиксирует философские, социально-исторические проблемы, которые осмысливаются героем в процессе существования. В результате хронотоп Вечности в романе «Тимэ, яшэсен!» («Не трогай, пусть живет!») оказывается связан с абсолютным бытием. Основу пространственной организации и образности в романе-новелле создают мотивы «верха/низа», «открытости/закрытости», на фоне которых показано движение автобиографического героя.

В романе хронотоп пути осознается автобиографическим героем через категорию предопределения судьбы. Так дает о себе знать мусульманский код в произведении Марселя Галиева. Это дает нам основание определить концептуальный хронотоп романа как экзистенциально-мусульманский, а пространство автобиографического героя как хронотоп самоосознания.

При воспроизведении событий и впечатлений от событий детства автор нарушает хронологическую последовательность событий, прибегает к временной инверсии, порой нарушает размеренное течение художественного времени перебивками ритма. Через лирические отступления он выходит во вневременное измерение, что оказывает влияние на жанр произведения. Читатель наблюдает за взаимопроникновением прошлого в современность и наоборот. Марсель Галиев стремится осмыслить глубинные импульсы собственной личности то с точки зрения себя-ребенка, то с точки зрения себя-взрослого, умудренного житейским опытом. Самое важное: читатель становится свидетелем обретения героем «генетической памяти». Автобиографический герой Марселя Галиева, исследуя прошлое, стремится осознать национальные образы мира, чтобы определить свое место в мире, предназначение. В рамках национальной литературной традиции сюжет творится автором как исповедь, переплетающаяся с поучением и наставлением.

Пространство родины в произведении несет в себе черты идиллического хронотопа. Родной дом героя ассоциируется с теплом родительского очага и по воле писателя превращается в точку отсчета жизненного пути: «*Ишегалды – чирәмле, капкалы дөнъям*» [Там же, с. 77]. – «*Двор – мой мир с распахнутыми воротами и декорирован-*

ный травушкой-муравушкой» (здесь и далее подстр. пер. М. Х. Хабутдиновой. – М. Х., А. М.), «*тагәрек дөнъям*». – «*мой мир-клубок*». Разрабатывая хронотоп детства, прибегает к оппозициям «свой – чужой» (*татар авылы – рус авылы, татар әбиләре – рус әбиләре*), «далекий – близкий» (*Балтач – Москва, Варшава, Берлин*), «внутренний – внешний» (*дом – улица*).

Восприятие автором пространства подчеркнуто национализировано. Марсель Галиев стремится познакомить и расшифровать читателю составляющие элементы шамаиля родного края («*туган як шамаиле*») [Там же, с. 22]. «Шамаиль» в переводе с арабского означает «качества, достоинства». С персидского – «священная картина» или «образ». Таким образом, автор сакрализует в романе образ родной земли. Татарский писатель исподволь напоминает своему читателю, что у шамаиля в конце XVIII – начале XIX в. была функция карты. Топонимия у Марселя Галиева становится частью татарского культурного пространства: «*Балтач*», «*Мәкәтә тавы*», «*Язулу тау*», «*Дегет тавы*», «*Ял таулары*», «*Чатыр тау*», «*Нөгеш*», «*Чат сулары*» – в этих названиях автобиографический герой Марселя Галиева слышит голос предков, ощущает дыхание национальной истории [Там же, с. 30].

Структурообразующим образом малой родины становится гора Чатыр тау (Чатыр-тау – Шатёр-гора) – наивысшая гора Татарстана. Автор удачно расцвечивает свои воспоминания материалом местных легенд об этом уникальном природном объекте: о стоянке войск Емельяна Пугачева, пещерах с арсеналом оружия, целебных водах местных родников. Фольклорный материал соседствует с литературным – стихотворением в прозе «Чатыр тауга мәдхия», что указывает на преемственность поэтических традиций.

Чатыр тау ассоциируется у автора с древней степью, которая приобретает статус национального образа мира. Автобиографический герой, помятуя о том, что данная гора дает возможность обозреть окружающий мир на 360 градусов, уносится мыслью в прошлое, чтобы реконструировать национальную историю и обозреть границы территории исконного проживания предков (Алтай, Урал, Байкол, Азовский берег) [Там же, с. 22].

Марсель Галиев выступает в романе проводником идеи скифско-тюркской генетической связи. Он делится с читателем сокровенной мечтой о создании тугры (герба) родной земли, где центральным геральдическим знаком должен был стать образ татарского сурка. Марсель Гали-

ев ведет родословную зверька от таинственных «муравьев» Геродота (см. миф Геродота о муравьях), чью загадку разгадал французский ученый-этнограф Мишель Пессель.

Историческое сознание автобиографического героя дано в динамике. Вначале оно формируется под влиянием родителей, учителей и советских книг (Абсалямов, Гайдар), находящихся во власти советской идеологии. Рассказы бывалых односельчан на завалинке вносят первую брешь в эти знания, зарождавая зерно сомнения в их истинности. По мере взросления герой начинает испытывать огромное желание докопаться до истины и превратиться в настоящего татарина. Он жадно впитывает в себя отрывочные сведения о легендарной истории тюрок, Золотой Орды и Казанского ханства [Там же, с. 406].

Атрибутами этнической самоидентификации автобиографического героя становятся родной язык, религия, уклад жизни, обычаи и обряды, тип внешности, национальные праздники, национальная кухня, приписывание народа к исконно татарской территории. Все это формируется в герое исподволь родителями и окружением.

Образ малой родины создается автором через воссоздание обрядовой культуры предков: поклонение духу рыбы («*Балыкка табыну*») [Там же, с. 29], поклонение сосне («*Наратка табыну*») [Там же]. В романе описывается национальный праздник Сабантуй, который пронизывает героический дух. Автор щедро делится с читателями сокровищами из сундука народной памяти: погружает в этимологическую стихию слов, пересыпает повествование пословицами и поговорками, где запечатлелась народная мудрость, рассказывает легенды. Язык повествования становится очень сочным, народным, с толикой юмора, когда Марсель Галиев вплетает в структуру романа байки односельчан, подслушанные в детстве. Это позволяет писателю воссоздать не только речь, но и характер, психологию односельчан, реконструировать ключевые катаклизмы советской эпохи сквозь призму народного мировосприятия, не совпадающего с официальной точкой зрения на события: голод 1921–1922 гг., НЭП, коллективизация (см. рассказ Нургали абый об «*ат үләте*» [Там же, с. 35]), советско-финская война 1939–1940 гг., Великая Отечественная война, арест Лаврентия Бери в 1953 г. Для Марселя Галиева эти старики, сельские аксакалы, превращаются в «свидетелей века», раскрывших перед ним настоящую «книгу войны». Размышляя над рассказами родителей, односельчан, перебирая факты собственной биографии, автор выносит приговор

стране – империи, обреченной свой народ, независимо от национальности, на рабское существование и гибель (см. сравнение СССР с загоном для скота на мясокомбинате) [Там же, с. 81–83].

По мере развития сюжета роман Марселя Галиева превращается в зеркало эпохи. Интересно показаны семейный быт и общественная жизнь, патриархальная жизнь татарской деревни и столичная жизнь Казани и Москвы. Читатель формирует представление о материальных ценностях и духовной культуре советских граждан. В метких бытовых зарисовках оживает дух эпохи.

Татарский писатель прибегает в романе «Тимә, яшәсен!» («Не трогай, пусть живет!») к обрамляющей (кольцевой) новелле, которая создает основу для вставных частей. В ней находят воплощение философские взгляды писателя. Обозревая огромный строительный котлован в Камских Полянах, подготовленный под шесть реакторов атомной станции, Марсель Галиев размышляет о жизнедеятельности современного человека на земле. С сожалением писатель констатирует, что усилия современного человека направлены не на созидание, а на разрушение: превращение прекрасной планеты – *дара небес* – в «мертвую планету». Современный человек, отказавшись от идеи всемогущества человека, по мнению татарского писателя, должен признать всеохватывающее могущество Всевышнего – «дирижера стихии симфонии памяти»: «*Бу хәтер симфониянең дирижеры – бердәнбер Аллах!*» [Там же, с. 9]. Эта мысль усилена на уровне лейтмотива «Тимә, яшәсен!» («Не трогай, пусть живет!»), превращенного в текст романа-новеллы в рефрен [Там же, с. 21, 35, 75, 407].

Признавая всемогущество Бога, Марсель Галиев тем не менее не снимает ответственности с человека. Писатель искренне убежден в том, что каждый человек ответственен за конкретное пространство жизни, призван сохранять и расширять территорию, освоенную предками. Следуя этому долгу, человек включается в метафизический круг, предписанный роду/народу, сохраняет природный и культурный ландшафт родной земли.

Атом превращается писателем в образ-лейтмотив. Марсель Галиев выстраивает композицию всего романа и систему образов, отталкиваясь от семантики этого слова. Автобиографический герой в романе – творенье божье («*Адам баласы*»), в котором отражается человечество. В то же время он является представителем конкретного этноса. Знакомясь с биографией, умонастроением героя, читатель получает представление о мироощущении и культуре татарского народа. Автобиографический герой по воле ав-

тора превращается в «атом» художественного мира автобиографического романа.

В обрамляющей новелле у Марселя Галиева атом символизирует атомную энергетику, порыв человека к всемогуществу. Татарский писатель уже в начале романа прибегает к деконструкции мифа о мирном атоме. Заглянув в котлован под атомные реакторы Татарской АЭС в Камских Полянах, автобиографический герой испытывает не восхищение творением рук человеческих, а первобытный ужас. Котлован в его глазах превращается в рану на теле земли («*Жир-энкэ тәнәнә уелган коточкыч әрнүле җәрәхәт...*») [Там же, с. 4], приобретает очертание могилы для целого народа («*Бу котлованга тулы бер халык сыя*») [Там же]) и человечества в целом.

Символический план в произведении подерживается у Марселя Галиева мифологическими параллелями. Так, автобиографическому герою в Камских Полянах, превратившихся в пространство голой степи («*ач дала*»), под влиянием смертельного ужаса пригрезилось, что его попутчики превратились в Яджудж и Маджудж. В исламской эсхатологии это племена, наводящие порчу на землю. Их появление на Земле считается знамением Судного дня (см. подр. в суре аль-Каф). Эти образы исламской мифологии соответствуют библейским Гогу и Магогу. Так выражает татарский писатель свое отношение к деятельности современных людей на Земле.

Символична и дата, послужившая отправной точкой для развития сюжета романа-новеллы, – 26 апреля 1986 г., день катастрофы на Чернобыльской атомной станции. Чтобы яснее донести апокалипсический потенциал образа атома, татарский писатель, не ограничивая себя рамками национальной мифологии, обращается к «чужим» сакральным текстам: Ветхий Завет и древнеиндийский эпос «Махабхарата». Так, Марсель Галиев цитирует Откр. 8: 10–11 о Звезде Полыни. Общеизвестно, что горечь полыни является общепотребительной библейской метафорой для вещей, исполненных великой горечью. Полынь выступает в Библии символом наказаний Господних. Согласно альтернативной интерпретации, Звезда Полынь есть предсказание Чернобыльской катастрофы. Приверженцы этой теории видят таинственную взаимосвязь между Чернобыльской аварией и максимальным приближением к Земле за две недели до катастрофы кометы Галлея. Описание убийственной Стрелы Брахма из древнеиндийского эпоса также служит у Марселя Галиева дополнительной иллюстрацией разрушительной силы атома и свидетельством прозорливости наших предков. Деконструкция мифа о мирном атоме осуществляется в романе и

через прием игры слов: «*атом – атам*» [Там же, с. 4].

Уже в обрамленной новелле у Марселя Галиева заявлена тема власти и народа [14, с. 3]. На Земле происходят такие масштабные трагедии, как Хиросима и Нагасаки, когда угроза исчезновения нависает над целым народом по воле недолжных правителей. Татарский писатель оценивает атомные бомбардировки США как пример проявления государственного терроризма. Анализируя географию расположения на исконно татарских землях планируемых к строительству атомных станций – Ульяновской АЭС в городе Димитровграде Ульяновской области, Башкирской атомной станции вблизи реки Белой (Агидели), Татарской АЭС в Камских Полянах, автобиографический герой приходит к неутешительному выводу: при неблагоприятных обстоятельствах, в случае аварии родная для татарского народа земля превратится в гигантскую могилу. В этих планах строительства АЭС главный герой романа усмотрел проявление имперской политики в отношении татарского народа.

Как нам кажется, сюжет романа задуман как показ процесса пробуждения в автобиографическом герое национального сознания, когда он вырастает в личность, способную услышать «голос крови» и стать ее транслятором. Автобиографический герой и автор размышляют на страницах романа над проблемой размывания этнической идентичности, что явилось частью государственной политики (языковая политика, бытовой национализм, фальсифицированная история и др.).

Важное значение в романе приобретают маргиналии – авторские заметки на полях книги, своего рода «мысли вслух», выделенные курсивом.

Порой они носят характер вводных конструкций (в тексте они оформляются с помощью скобок), благодаря которым автор выражает свое отношение к сообщаемому, указывает на источник информации, делает попутные замечания, уточнения. Они «отражают» автора-человека, предоставляют возможность, по выражению В. В. Виноградова, строить «догадки» о нем. Таким образом, в вводных конструкциях автор обнаруживает себя как личность. Нас заинтересовали наблюдения автора о природе татарского характера.

Иные представляют из себя п и с ь м а .

Среди маргиналий встречаются цитации, призванные раздвинуть границы романа, подтолкнуть читателя к размышлениям и открытию новых смыслов (цитаты из Ветхого Завета, «Ма-

хабхараты», «Джанур-Веды», путевых заметок Петра Симона Паласа).

Часть маргиналий обретают оформление в жанре отрывка, фрагмента, эссе или стихотворения в прозе. В них обнаруживает себя авторская тенденция к философским обобщениям, притчевость, афористичность. Особенно интересными нам показались маргиналии о всемогуществе Бога, принадлежности человека Вселенной, о разрушительной власти Империи, природе электрического тока и т. д.

Таким образом, роман-новелла «Тимә, яшәсен!» («Не трогай, пусть живет!») Марселя Галиева является автобиографическим. Сочетание общего плана и личного, конкретного и индивидуального (дуализм романного мышления), общечеловеческого и национального, глубокий психологизм, аналитичность и лиризм творят жанровое своеобразие романа-новеллы писателя «Тимә, яшәсен!» («Не трогай, пусть живет!»). Жанровое смещение в произведении осуществляется, с одной стороны, посредством маргиналий, отдельных вставок, которые составлены в иных жанровых формах, с другой – сосуществованием в произведении романских жанровых признаков и элементов жанра новеллы: кольцевое построение, когда обрамленная новелла раздвигается и вмещает в себя автобиографический роман, и параллельное построение, где сюжетные линии эпизодических персонажей составляют особую линию повествования.

Исследования выполнено в рамках темы ФПСР-2/24

Список источников

1. Сверигин Р. Эдипнең алтын тоткалары // Шәһри Казан. 2001. 30 март. Б. 3.
2. Заһидуллина Д. Марсель Галиев повестьлары: классик романтизм традицияләрен тергезү // Д. Заһидуллина. 1960–1980 еллар татар әдәбияты: яңарыш мәйданнары һәм авангард эзләнүләр. Казан: Татар. кит. нәшр., 2015. Б. 350–367.
3. Загидуллина Д. Ф. Современная татарская проза (1986–2016 гг.): основные тенденции историко-литературного процесса. Казань: Изд-во Академии наук РТ, 2017. 246 с.
4. Юзмухаметова Л. Н. Жанр эссе в творчестве М. Галиева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 7 (73): в 3-х ч. Ч. 3. С. 54–57.
5. Юзмухаметова Л. Н. Жанр эссе в творчестве М. Галиева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 5 (83): в 3-х ч. Ч. 1. С. 44–47.
6. Галиуллин Т. Н. Шигърият баскычлары. Казан: Мәгариф, 2002. 231 б.
7. Хабибуллина А. Публицистика Марселя Галиева // Вестник ЧГПУ. 2013. № 7. С. 225–234.
8. Хабибуллина А. Язык и стиль публицистики Марселя Галиева // Вестник ЧГПУ. 2014. № 1 (81). С. 75–78.
9. Миннуллин К. Поэзия и песенное творчество. Казань: Магариф, 1998. 258 с.
10. Хабутдинова М. М., Усманова Э. М. Живопись в художественном творчестве Марселя Галиева // Филология и культура. Philology and Culture. 2017. № 1 (47) С. 218–224.
11. Хабутдинова М. М., Замалиева Л. Ф. Система образов и художественный мир песенной лирики Марселя Галиева // Филология и культура. Philology and Culture. 2016. № 3 (44). С. 179–183.
12. Rahmatullina R. R., Zamaletdinov R. R., Khabutdinova M. M., Zamaletdinov G. F. The Role of Colour Definitions in Tatar Poetry (an Example of Marsel Galiev's Works). AD ALTA-JOURNAL OF INTERDISCIPLINARY RESEARCH. 2017. Vol. 7. Is. 2. P. 34–36.
13. Галиев М. Б. Тимә, яшәсен!: роман-новелла. Казан: Татар. кит. нәшр., 2016. 407 б.
14. Шарифова С. Ш. Теоретические аспекты жанрового многообразия азербайджанского романа: автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2012. 38 с.

References

1. Sverigin, R. (2001). *Ədipneң altın totkalary* [The Golden Pen of the Poet]. Shəhri Kazan, 30 mart. P. 3. (In Tatar)
2. Zahidullina, D. F. (2015). *Marsel' Galiev povest'лары: klassik romantizm traditsiälären tergezü* [The Stories of Marcel Galiev: Rebirth of Classical Romanticism Traditions]. D. F. Zahidullina 1960–1980 ellar tatar әдәбияты: яңарыш мәйданнары һәм авангард эзләнүләр. Pp. 350–367. Kazan', Tat. kit. nashr. (In Tatar)
3. Zagidullina, D. F. (2017). *Sovremennaya tatarskaya proza (1986–2016 gg.): osnovny'e tendentsii istoriko-literaturnogo protsessa* [Modern Tatar Prose (1986–2016): The Main Trends of the Historical and Literary Process]. 246 p. Kazan', izd-vo Akademii nauk RT. (In Russian)
4. Yuzmukhametova, L. N. (2017). *Zhanr e'sse v tvorchestve M. Galieva* [The Genre of Essay in the Work of M. Galiev]. *Filologicheskie nauki. Voprosy` teorii i praktiki*. No. 7 (73), v 3-kh ch. Ch. 3, pp. 54–57. (In Russian)
5. Yuzmukhametova, L. N. (2018). *Zhanr e'sse v tvorchestve M. Galieva* [The Genre of Essay in the Work of M. Galiev]. *Filologicheskie nauki. Voprosy` teorii i praktiki*. No. 5 (83), v 3-kh ch. Ch. 1, pp. 44–47. (In Russian)
6. Galiullin, T. N. (2002). *Shig`riiat baskychlary* [Steps of Poetry]. 231 p. Kazan', Məgarif. (In Tatar)
7. Khabibullina, A. (2013). *Publitsistika Marselia Galieva* [Marcel Galiev's Publicistic Works]. *Vestnik ChGPU*, No. 7, pp. 225–234. (In Russian)
8. Khabibullina, A. (2014). *Yazyk i stil' publitsistiki Marselia Galieva* [Language and Style of Marcel Galiev's Publicistic Works]. *Vestnik ChGPU*, No. 1 (81), pp. 75–78. (In Russian)

9. Minnullin, K. (1998). *Poeziia i pesennoe tvorchestvo* [Poetry and Songs]. 258 p. Kazan', Magarif. (In Tatar)
10. Khabutdinova, M., Usmanova, E. (2017). *Zhivopis' v khudozhestvennom tvorchestve Marselya Galieva* [Fine Art in Fiction: Tatar Writer Marcel Galiev]. *Filologiya i Kultura. Philology and Culture*. No. 1(47), pp. 218–224. (In Russian)
11. Khabutdinova, M., Zamalieva, L. (2016). *Sistema obrazov i hudozhestvennyi mir pesennoi liriki Marselia Galieva* [A System of Images and Artistic World in Marcel Galiev's Song Lyrics]. *Filologiya i Kultura. Philology and Culture*. No. 3 (44), pp. 179–183. (In Russian)
12. Rahmatullina, R. R., Zamaletdinov, R. R., Khabutdinova, M. M., Zamaletdinov, G. F. (2017). *The Role of Colour Definitions in Tatar Poetry (an Example of Marsel Galiev's Works)*. *AD ALTA-JOURNAL OF INTERDISCIPLINARY RESEARCH*. Vol. 7. Is. 2, pp. 34–36. (In English)
13. Galiev, M. (2016). *Timə, iashəsen!* [Leave Him Alone, Let Him Live!]. 407 p. Kazan, Tat. kit. nes. (In Tatar)
14. Sharifova, S. Sh. (2012). *Teoreticheskie aspekty zhanrovogo mnogoobraziya azerbajdzhanskogo romana: avtoreferat dis. ... doktora filologicheskikh nauk* [Theoretical Aspects of the Azerbaijani Novel Genre Diversity: Doctoral Thesis Abstract]. Moscow, 38 p. (In Russian)

The article was submitted on 04.09.2024

Поступила в редакцию 04.09.2024

Хабутдинова Милеуша Мухаметзяновна,
кандидат филологических наук,
доцент,
ведущий научный сотрудник,
НОЦ стратегических исследований
в области родных языков и культур,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
mileuscha@mail.ru

Мотигуллина Альфия Рухулловна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Поволжский государственный университет
физической культуры, спорта и туризма,
420010, Россия, Казань,
Деревня Универсиады, 35.
alfiya311065@mail.ru

Khabutdinova Mileusha Mukhametsyanovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Leading Researcher at the Research Center for
Strategic Research in the Field of Native Lan-
guages and Cultures,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
mileuscha@mail.ru

Motigullina Alfiya Rukhullova,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Volga State University of Physical Culture,
Sports and Tourism,
35 Universiade Village,
Kazan, 420010, Russian Federation.
alfiya311065@mail.ru